

ВВЕДЕНИЕ

1. Фонология и фонетика

Каждый раз, когда один человек говорит что-либо другому, мы имеем дело с речевым актом, или речью. Речь всегда конкретна, она приурочена к определенному месту и к определенному времени. Она предполагает наличие говорящего («отправителя»), слушателя («получателя») и предмета, о котором идет речь. Все эти три элемента — говорящий, слушатель и предмет речи — меняются от одного речевого акта к другому. Но речевой акт предполагает наличие еще одного момента: чтобы слушатель понимал собеседника, оба они должны владеть одним и тем же языком; наличие в сознании каждого члена языковой общности единого языка является предпосылкой любого речевого акта. В противоположность однократному характеру речевого акта язык представляет собой нечто общее и постоянное. Язык существует в сознании всех членов данной языковой общности и лежит в основе бесконечного числа конкретных речевых актов. С другой стороны, однако, существование языка оправдано лишь постольку, поскольку он способствует осуществлению речевых актов; он существует лишь постольку, поскольку с ним соотносятся конкретные речевые акты, иначе говоря, поскольку он реализуется в этих конкретных речевых актах. Без конкретных речевых актов не было бы и языка. Таким образом, речь и язык предполагают друг друга. Они неразрывно связаны друг с другом и могут рассматриваться как две взаимосвязанные стороны одного и того же явления — «речевой деятельности». По своему существу, однако, это совершенно различные вещи, поэтому они и должны рассматриваться независимо друг от друга.

Различие между языком (*langue*) и речью (*parole*) впервые яснее других осознал швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр¹. Из позднейшей литературы по этому вопросу упомянем здесь лишь работы Алана Гардинера² и особенно Карла Бюлера³.

Речевая деятельность (как язык, так и речь) имеет, согласно Соссюру, две стороны: о б о з н а ч а ю щ е е (*le signifiant*) и о б о з н а ч а е м о е (*le signifie*). Таким образом, речевая деятельность представляет собой сочетание и взаимосвязь обозначающего и обозначаемого.

Обозначаемым в речи всегда является совершенно конкретное сообщение, которое имеет смысл только как целое. Наоборот, обозначаемым в языке являются абстрактные правила: синтаксические, фразеологические, морфологические и лексические. Ведь даже значения слов, поскольку они даны в языке, являются лишь абстрактными правилами, понятийными схемами, с которыми связаны те конкретные значения, которые всплывают в речи.

Обозначающим в речи является конкретный звуковой поток — физическое явление, воспринимаемое на слух. Но что является обозначающим в языке? Если обозначаемым в языке являются те правила, согласно которым вся область значений членится на составные части, упорядоченные соответствующим образом, то обозначающим в нем могут быть только такие правила, согласно которым упорядочивается звуковая сторона речевого акта.

Число различных конкретных представлений и мыслей, которые могут быть обозначены в речевых актах, бесконечно. Число же лексических значений, существующих в языке, ограничено; «владение» языком как раз в том и состоит, что с помощью ограниченного числа семантических и грамматических средств, предоставляемых в наше распоряжение языком, мы выражаем все конкретные представления, мысли и их связи. Обозначаемое в языке в противоположность обозначаемому в речи состоит, таким образом, из конечного исчисляемого числа единиц. Но точно такое же отношение между языком и речью имеет место и в сфере обозначающего. Артикуляторные движения и соответствующие им звучания, возникающие в речи, до бесконечности многообразны, а звуковые нормы, из которых складываются единицы обозначающего, конечны, исчисляемы, количественно ограничены.

Так как язык состоит из правил, или норм, то он в противоположность речи является системой, или, лучше сказать, множе-

¹ Ferdinand de Saussure, *Cours de linguistique générale*, Lausanne, 1916.

² Alan H. Gardiner, *Speech and language*, Oxford, 1932.

³ K. Bühler, *Axiomatik der Sprachwissenschaft*, «Kant-Studien», XXXVIII, и его же, *Sprachtheorie*, Jena, 1934.

ством частных систем. Грамматические категории образуют грамматическую систему, семантические категории — различного рода семантические системы. Все системы вполне уравновешены так, что их части поддерживают друг друга, восполняют друг друга, связаны друг с другом. Только поэтому и можно связать бесконечное многообразие представлений и мыслей, всплывающих в речи, с элементами системы языка. Сказанное имеет силу и для обозначающего. Звуковой поток речи представляет собою непрерывную, на первый взгляд неупорядоченную последовательность переходящих друг в друга звучаний. В противоположность этому единицы обозначающего в языке образуют упорядоченную систему. И лишь благодаря тому, что отдельные элементы, или моменты, звукового потока, проявляющегося в речевом акте, могут быть соотнесены с отдельными членами этой системы, в звуковой поток вносится порядок.

Таким образом, различные аспекты языкового процесса настолько разнородны, что их исследование должно быть предметом ряда частных наук. Прежде всего совершенно очевидно, что обозначаемый и обозначающий аспекты речевой деятельности должны быть подведомственны различным дисциплинам. Действительно, «учение о звуках» — иначе наука об элементах обозначающего — уже с давних пор являлось особой частью языкознания, строго отграниченной от «учения о значении». Но, как мы уже видели выше, обозначающее в языке представляет собой нечто совершенно иное по сравнению с обозначающим в речи. Целесообразно поэтому вместо одной иметь две «науки о звуках», одна из которых ориентировалась бы на речь, а другая — на язык. Соответственно различиям в объекте обе науки должны применять различные методы: учение о звуках речи, имеющее дело с конкретными физическими явлениями, должно пользоваться методами естественных наук, а учение о звуках языка в противоположность этому — чисто лингвистическими методами (шире — методами общественных или гуманитарных наук). Мы будем называть учение о звуках речи *фонетикой*, а учение о звуках языка — *фонологией*.

К разграничению фонетики и фонологии ученые подошли не сразу. И. Винтелер, видимо, был первым, кто безоговорочно признал, что есть такие противоположения звуков, которые служат в данном языке для дифференциации значений слов, а с другой стороны, такие, которые не могут быть использованы для этой цели¹.

---

¹ J. Winteler, *Die Kerenzer Mundart des Canton Glarus*. Leipzig, 1876. Еще раньше, в 1870 г., аналогичные мысли высказал И.А. Бодуэн де Куртене в своей магистерской диссертации; хотя эта работа и была опубликована, но большинству европейских ученых она оказалась недоступной, так как была издана на русском языке (ср. R. Jakobson «Slavische Rundschau», I, с. 810).

Из этого, однако, он не сделал надлежащего вывода о том, что учение о звуках должно распадаться на две различные науки. В еще меньшей степени подобный вывод мог быть сделан современниками Винтелера; хотя его книга привлекла внимание и нашла признание как первый опыт строго фонетического описания диалекта, его мысли о двух типах звуковых противопоставлений не были приняты во внимание и даже, быть может, не были замечены. Позже и, как кажется, независимо от Винтелера аналогичные мысли не раз высказывал знаменитый английский фонетист Суит. Они были подхвачены его учениками; самый выдающийся из них, Отто Есперсен, особенно отстаивал такое понимание. Но надо заметить, что и сам Суит, и его ученики трактовали все звуковые противопоставления одинаковым образом, независимо от того, служат они различению значений или нет; да и сам метод, применявшийся при этом, был естественнонаучным. Фердинанд де Соссюр понял и четко сформулировал важность различения языка и речи; он понял также, как он выразился, нематериальную сущность обозначающего в языке. Все же и он не высказался определенно о необходимости различать учение о звуках речи и учение о звуках языка. В его «Курсе общей лингвистики» мы находим только намеки на эту мысль. Очевидно, основателю женеvской школы в языкознании разграничение учения о звуках речи и учения о звуках языка казалось не таким существенным, как разграничение описательной и исторической фонетики. Впрочем, некоторые ученики Соссюра, особенно А. Мейе, Ш. Балли и А. Сеше, довольно четко проводили грань, отделяющую учение о звуках речи от учения о звуках языка. Однако только Бодуэн де Куртене пришел к мысли о необходимости двух описательных наук о звуке в зависимости от того, что является предметом исследования: конкретные звуки как физические явления или звуковые сигналы, употребляемые в той или иной языковой общности в целях сообщения. Бодуэн де Куртене имел учеников главным образом из числа русских, а также поляков (сам он был поляк, хотя большую часть своей жизни преподавал в русских университетах, сначала в Казани, позже в Санкт-Петербурге). Среди его учеников особо следует отметить Л.В. Щербу и Е.Д. Поливанова, которым принадлежит большая заслуга в деле углубления и распространения идей своего учителя о звуковой стороне языка. Однако вне узкого круга его учеников взгляды Бодуэна де Куртене на общее языкознание были малоизвестны, а поэтому мало ценились. Так получилось, что накануне первой мировой войны идея о различении двух видов науки о звуках не встретила никакого сочувствия в лингвистических кругах мира. И лишь в послевоенный период эта идея стала приоб-

ретать популярность. На Первом международном конгрессе лингвистов в Гааге (1928) три русских ученых (из которых по чистой случайности ни один не принадлежал к школе Бодуэна де Куртене) выступили с краткой программой, в которой ясно и недвусмысленно была сформулирована необходимость строгого разграничения фонетики и фонологии; это было связано с требованием целостного рассмотрения предмета, с требованием исследования структурных законов фонологических систем, с требованием распространения этих основных законов не только на описательную, но и на историческую фонологию. Это были Р. Якобсон, С. Карцевский и автор настоящей работы. Программа нашла отклик. Многие ученые разных стран присоединились к ней. Особенно активно действовал в данном направлении Пражский лингвистический кружок, основанный в 1926 г. и имевший уже перед конгрессом в Гааге немало ревностных сторонников новых идей¹.

В 1929 г. вышли в свет первые два тома «*Travaux du Cercle Linguistique de Prague*», посвященные фонологии как учению о звуках языка. Годом позже в Праге был проведен фонологический съезд, в котором приняли участие представители девяти стран². На этом съезде было решено организовать международное объединение для исследований в области фонологии. На Втором международном лингвистическом конгрессе в Женеве (1931) фонологии в указанном выше смысле было посвящено специальное пленарное заседание, причем оказалось, что новая наука снискала симпатии широких научных кругов. Ныне международное объединение фонологов имеет своих сторонников во многих странах³.

Не следует, однако, думать, что разграничение фонетики и фонологии стало ныне общепризнанным. Есть немало ученых, ко-

---

¹ Среди них прежде всего следует упомянуть председателя указанного кружка Вилема Матезиуса, опубликовавшего еще в 1911 г. свою замечательную статью о потенциальности языковых явлений («*O potenciálnosti jevů jazykových*», «*Věstník Král. české společnosti nauk*»), и Р. Якобсона, выпустившего еще в 1922 г. проникнутую духом фонологии книгу о чешском стихе сравнительно с русским (Р. Я к о б с о н, О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским, Берлин, 1922; ср. нашу рецензию на эту книгу в журн. «*Slavia*», II, 1923—1924, стр. 452—460).

² Доклады, сделанные на этом съезде, и состоявшиеся по ним прения опубликованы в четвертом томе «*Travaux du Cercle Linguistique de Prague*» (TCLP).

³ Об истории возникновения современной фонологии см. V Mathesius, Ziele und Aufgaben der modernen Phonologie (Xenia Pragensia, 1929, стр. 432 и сл.); G. Lazicius, Bevezetés a fonológiába, «A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai», 33, 1932, стр. 109 и сл.; N. Trubetzkoy, La phonologie actuelle, «*Journal de psychologie*», XXX, 1933; японский перевод Х. Кобаяси, «Гэндай-но онъинпон» в журн. «*Кайхо*», 43, 1936; J. Vachek, What is phonology?, «*English studies*», XV, 1933.

которые не признают даже разграничения между языком и речью. У одних это непризнание основывается на сознательном убеждении, которое объясняется определенным мировоззрением (например, у Дорошевского¹). У других — их, пожалуй, большинство — это непризнание объясняется попросту косностью, леностью ума, упорным отрицанием всякой свежей мысли. Но как бы там ни было, совершенно естественно, что исследователь, отрицающий противопоставление языка речи, не может признать и различия между фонетикой и фонологией в указанном выше смысле. Встречаются, однако, и такие исследователи, которые признают различие между языком и речью, а также различие между смыслоразличительными и несмыслоразличительными противоположениями звуков и тем не менее не хотят отделить фонологию от фонетики. При этом они любят ссылаться на классические руководства английской школы, на Суита и Есперсена, которые рассматривали фонологию вместе с фонетикой несмотря на то, что ясно представляли себе основополагающее различие между смыслоразличительными и несмыслоразличительными противоположениями звуков. Однако подобного рода аргументы можно было бы выдвинуть против любого прогресса в науке. Ведь отсутствие четкого разграничения между фонетикой и фонологией как раз и было методологическим недостатком классических пособий по фонетике. Этот недостаток должен был тормозить развитие как фонетики, так и фонологии, и поэтому нет никаких оснований воспроизводить его и впредь.

Предпринимались, однако, и более серьезные попытки к преодолению противоположности между фонетикой и фонологией. Э. Цвирнер полагал, что этого можно достичь, заменив обе науки новой, которую он назвал «фонометрией». Согласно его точке зрения, исследование отдельных конкретных актов речи как самоцель бессмысленно и ненужно, поскольку «языкознание никогда не ставило своей задачей распознавать весьма четкие акустические различия между говорящими на каком-либо языке»². «В самом деле, языкознанию совершенно безразлично не только то, что наговорил в микрофон или амбушюр в определенное время в той или иной лаборатории какой-то там X, науке вообще нет никакого дела до того, что кто-то там однажды что-то сказал»³. Язык

¹ W. Doroszewski, *Langue et parole*, «Prace filologiczne», XIV, 1930.

² E. Zwierner, *Aufgaben und Methoden der Sprachvergleichung durch Maß und Zahl, Phonometrie*, «Zeitschrift für Mundartforschung», XII, 2, стр. 78. Более подробно. E. Zwierner und K. Zwierner, *Grundfragen der Phonometrie*, Berlin, 1936.

³ Там же, стр. 69

для Э. Цвирнера является лишь «системой норм, воспринимаемых на слух знаков, образованных человеческими органами, которая служит целям взаимопонимания... Эти нормы могут выполнять роль средства взаимопонимания только в том случае, если и говорящий и слушатель, принадлежащие к одной и той же языковой общности, равным образом ориентируются на них. Они имеют значение как для образования, так и для восприятия тех знаков, которые обязаны своим языковым характером не тому, что они образованы органами речи, а тому, что они как в процессе речи, так и в процессе восприятия ориентируются на эти традиционные нормы»¹.

Как видим, Э. Цвирнер стремится понимать под речевой деятельностью только язык (*langue*). Предметом научного исследования могут быть лишь унаследованные и при данном состоянии языка устойчивые нормы, а не «воспринимаемые неповторимые (и неисчислимы) реализации этих норм». Но Э. Цвирнер делает из этого неожиданный вывод: «Так как унаследованные нормы образования звуков не могут быть выполнены органами речи дважды абсолютно одинаковым способом, то переход от исследования этих норм к исследованию речи уже содержит в себе переход от истории языка к направленному на них статистическому пониманию речевых вариаций»². На основе особого метода должны быть вычислены средние значимости отдельных звуков. Механически точно зарегистрированные вариации какого-либо звука разбрасываются вокруг этой средней значимости согласно известной гауссовской кривой погрешностей. На этой кривой критически проверяются средние значимости, и лишь такие критически проверенные средние значимости будто бы имеют лингвистическую ценность. Здесь Э. Цвирнер ошибается: то, что можно добыть с помощью его фонометрического метода, далеко не является нормой, на которую ориентируются говорящие при образовании или восприятии звуков. Быть может, это и «нормы», но в другом смысле: нормы данного произношения, нормы реализации, то есть в конечном счете нормы речи, а не языка. Само собою разумеется, что такие «нормы» могут быть лишь средними значимостями, но их нельзя отождествлять со значимостями языка. Немецкое *k* произносится перед согласными не так, как перед гласными; перед ударными гласными не так, как перед неударными; более того, и тембр и артикуляция этого *k* варьируют в зависимости от качества непосредственно предшествующего или последую-

¹ Там же, стр. 77.

² Там же.

щего гласного. Для каждого из этих вариантов можно вычислить средние фонометрические значимости, и правильное немецкое произношение каждого из этих вариантов «раскинется» вокруг этой средней значимости согласно гауссовской кривой погрешностей. Но для «k вообще» подобного рода среднюю значимость вычислить нельзя. Перед ударными гласными k произносится с придыханием (которое бывает разным по своей силе), перед неударными — без придыхания. Если тщательно исследовать все k, встречающиеся в каком-либо тексте, по степени придыхания, выразить эту степень в каждом отдельном случае в числах и затем вычислить среднюю значимость придыхания, то этой средней значимости не будет соответствовать никакая реальность; в лучшем случае такая средняя значимость будет символизировать лишь относительную частоту встречаемости k в данном тексте перед ударными гласными. Однозначные результаты можно было бы получить только в том случае, если бы мы вычислили две различные средние значимости: одну для k перед ударными гласными, другую для k перед безударными гласными. Однако нормой, на которую ориентируется говорящий, является «k вообще», а оно не может быть обнаружено никакими измерениями и вычислениями. Конечно, весьма желательно точное вычисление среднего, нормального произношения какого-либо звука в определенном положении; бесспорно также, что применение биолого-статистических методов, как на этом настаивает Э. Цвирнер, следует приветствовать как большой прогресс. Ошибочно, однако, полагать, что тем самым разрешаются все задачи, стоящие перед наукой о звуках. Фонологические задачи этими методами вообще не затрагиваются, поскольку язык лежит вне «меры и числа». Но фонометрией не исчерпываются и задачи фонетики. В противоположность Э. Цвирнеру мы должны подчеркнуть, что фонетист должен заниматься не только нормами, имеющими значение для данной языковой общности, но и индивидуальными различиями, существующими между говорящими, а также изменениями в произношении отдельных звуков, которые вызываются сменами речевой ситуации. И в этой области должны быть найдены свои специфические закономерности. Языкознание должно иметь дело не только с языком, но и с речью, причем со всей сферой речи. Существенной, однако, остается необходимость строгого разграничения двух объектов языкознания — языка и речи.

Что касается терминологии, то следует констатировать, что принятые нами термины «фонетика» и «фонология» не все ученые употребляют в нашем значении. Ф. де Соссюр, первым предложивший подобное разграничение понятий, позже отказался от него; под фонологией он стал понимать статическое (синхронное) или описательное учение о звуках, а под фонетикой — историческое (диахроническое) учение о звуках, то есть историю звуковых изменений в каком-либо

языке¹. Его примеру последовал, видимо, один лишь М. Граммон. Шведский лингвист Норейн определяет фонетику как «науку об акустических, физиологических и анатомических предпосылках языка», а фонологию — как «науку о физическом материале языка, об артикулируемых звуках», и это понимание укоренилось у его соотечественников. У англичан и американцев термин «фонология» используется чаще всего для наименования «исторической фонетики» или «учения об употреблении звуков в том или другом языке»; термином «фонетика» они обозначают, как правило, учение о физической и физиологической природе звуков. В последнее время ангlosаксы употребляют термин «фонетика» в том же смысле, в каком мы употребляем термин «фонология». Поскольку слово «фонология» приобрело в английском языке другое значение, то для англосаксонских стран следует оставить термин «фонетика» (быть может, целесообразно было бы ввести этот термин и в шведский язык). В прочих языках, где термин «фонология» не имеет никакого другого значения, его следует употреблять в предложенном нами смысле. При всех обстоятельствах следует отклонить предложенный Бодуэном де Куртене термин «психофонетика», ибо психическими процессами в большей мере занимается фонетика (которую Бодуэн де Куртене предлагает называть «физико-фонетикой»), чем фонология, предметом которой являются надиндивидуальные, социальные, ценности.

Однако, определив фонологию как учение о звуках языка и фонетику как учение о звуках речи, мы сказали еще далеко не все. Различие между этими двумя науками следует рассмотреть глубже и основательней.

Так как обозначающим в речи является звуковой поток, физическое явление однократного характера, то наука, которая занимается его изучением, должна использовать методы естественных наук. Можно изучать как чисто физический, или акустический, так и чисто физиологический, или артикуляторный, аспект звукового потока в зависимости от того, что мы собираемся исследовать: его свойства или способ образования; но, собственно говоря, нужно одновременно делать и то и другое.

Акустическое и органогенетическое направления в фонетике не следует отделять друг от друга. Так называемая «слуховая фонетика», исследующая звуки речи без специально сконструированной аппаратуры, с помощью одних специально натренированных органов чувств, не проводит различий между акустическим и органогенетическим направлениями; фонетист, работающий с помощью уха, определяет на слух акустическую значимость изучаемого звука и одновременно с помощью зрения, чувства осязания и моторного чувства исследует способы производства этого звука. Различие между акустикой и органогенетикой обнаруживается лишь в так называемой экспериментальной (или, точнее, инструментальной) фонетике, да и то только при известных методах, которые в последнее время стали часто оспариваться. При использовании рентгенографического метода связь, синтез акустики с органогенетикой, восстанавливается. Таким образом, исследование физических качеств звука и способов его производства является одной, а не двумя различными задачами фонетики.

---

¹ См. R. Jakobson, TCLP, II, 103.

Единственной задачей фонетики является ответ на вопрос: «Как произносится тот или другой звук?» Ответить на этот вопрос можно, лишь точно указав, как звучит тот или иной звук (или, говоря физическим языком, какие парциальные тоны, звуковые волны и т.д. обнаруживает данный звуковой комплекс) и каким образом, то есть благодаря какой работе органов речи, достигается этот акустический эффект. Звук — это воспринимаемое слухом физическое явление, и при исследовании акустической стороны речевого акта фонетист соприкасается с психологией восприятия. Артикуляция звука представляет собой наполовину автоматизированную и все же контролируемую волей и управляемую центральной нервной системой деятельность; исследуя артикуляторную сторону речевого акта, фонетист соприкасается с психологией автоматизированных действий. Однако, несмотря на то что область фонетики лежит в сфере психического, методы фонетики являются естественнонаучными. Это связано, между прочим, с тем, что смежные области экспериментальной психологии также используют методы естественных наук, поскольку речь идет здесь не о высших, а о рудиментарных психических процессах. Естественнонаучная установка является для фонетики безусловно необходимой.

Особенно характерно для фонетики полное исключение какого бы то ни было отношения исследуемых звуковых комплексов к языковому значению. Специальная тренировка, натаскивание слуха и осязания, которые должен пройти хороший фонетист, работающий на слух, как раз и состоит в том, чтобы приучить себя выслушивать предложения и слова, а при произнесении осязывать их, не обращая внимания на их значения, и воспринимать лишь их звуковой и артикуляторный аспекты так, как это делал бы иностранец, не понимающий данного языка. Тем самым фонетику можно определить как науку о материальной стороне (звуков) человеческой речи.

Обозначающее в языке состоит из определенного числа элементов, сущность которых заключается в том, что они отличаются друг от друга. Каждое слово должно чем-то отличаться от всех прочих слов того же языка. Однако язык знает лишь ограниченное число таких различительных средств, а так как это число гораздо меньше числа слов, то слова по необходимости состоят из комбинаций различительных элементов («примет» [Male], согласно терминологии К. Бюлера). При этом, однако, допустимы не все мыслимые комбинации различительных элементов. Комбинации подчиняются определенным правилам, которые формулируются по-разному для каждого языка. Фонология должна исследовать, какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловыми

различиями, каковы соотношения различительных элементов (или «примет») и по каким правилам они сочетаются друг с другом в слова (и соответственно в предложения). Ясно, что эти задачи не могут быть разрешены с помощью естественнонаучных методов. Фонология должна применять, скорее, те же методы, какие используются при исследовании грамматической системы языка.

Звуки, которые являются предметом исследования фонетиста, обладают большим числом акустических и артикуляторных признаков. И все признаки существенны для исследователя, поскольку только полный учет их позволит дать правильный ответ на вопрос о произношении того или иного звука. Но для фонолога большинство признаков совершенно несущественно, так как они не функционируют в качестве различительных признаков слов. Звуки фонетиста не совпадают поэтому с единицами фонолога. Фонолог должен принимать во внимание только то, что в составе звука несет определенную функцию в системе языка.

Эта установка на функцию находится в самом резком противоречии с точкой зрения фонетики, которая, как говорилось выше, должна старательно исключать всякое отношение к смыслу сказанного (то есть к функции обозначающего). Это препятствует подведению фонетики и фонологии под общее понятие, несмотря на то, что обе науки на первый взгляд имеют дело с одним и тем же объектом. Повторяя удачное сравнение Р. Якобсона, можно сказать, что фонология так относится к фонетике, как политическая экономия к товароведению или наука о финансах к нумизматике.

Наряду с предложенным определением фонетики (учение о звуках речи) и фонологии (учение о звуках языка) этим дисциплинам можно было бы дать и иное определение, квалифицируя фонетику как чисто феноменологическое исследование звуков, а фонологию как исследование языковой функции тех же звуков. Недавно Арво Сотавалта в своей примечательной и во многих других отношениях книге «Фонетика и ее отношение к пограничным наукам»¹ попытался показать, что такое определение (то есть определение, принятое фонологическим съездом в Праге и опубликованное в «Проекте стандартизированной фонологической терминологии»²) является единственно правильным. Признавая, что фонология вращается исключительно в сфере языка, он полагает, однако, что связь фонетики с речью не столь существенна. Конечно, «исходным пунктом» фонетики, как говорит Арво Сотавалта, является «конкретное, а именно речь... Но ведь так обстоит дело при любом научном исследовании: отправным пунктом в зоологии служат отдельные животные, в ботанике—отдельные растения и т.д. Несмотря на

¹ Arvo Sotavalta, Die Phonetik und ihre Beziehungen zu den Grenzwissenschaften (Publicationes Instituti Phonetici Universitatis Helsingforsensis, № 4 = «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», XXXI, 3, Helsinki, 1936).

² TCLP, IV, 19.

это, подлинная цель науки состоит, конечно, не в исследовании или познании этих единичных объектов, речь идет, скорее, об общих понятиях, добываемых с их помощью». Аналогичным образом и фонетика, «имея в качестве исходного пункта исследования речь (parole), стремится постичь сущность более общего по сравнению с речью понятия, сущность языка (langue); она исследует «непосредственные предпосылки, то есть производство языка, и непосредственные результаты, то есть восприятие языка», пытается «достичь всестороннего познания составных частей языка» (стр. 34). Здесь кроется явное недоразумение, причина которого заключается, по-видимому, в том, что Арво Сотавалта привлекает в качестве параллели естественные науки, где полностью отсутствует что-либо похожее на противоположение «речь — язык». Воспроизводиться и восприниматься могут только элементы речевого акта. Язык не воспроизводится и не воспринимается; он должен быть в наличии, причем как говорящий, так и слушающий ориентируются только на него. Те «более общие понятия», к которым приходит фонетист в результате наблюдения конкретно произносимых звуков и их сочетаний и которые можно сравнить с видами животных в зоологии и видами растений в ботанике, суть различные классы звуков или артикуляций; однако фонетика никогда не сможет проникнуть в их языковую функцию, оставаясь чисто феноменологической наукой. Таким образом, фонетика всегда остается в сфере речи, тогда как фонология (что, впрочем, знает и Арво Сотавалта) относится к сфере языка. Оба определения покрывают друг друга. Фонология — это учение о звуках языка, а фонетика — это учение о звуках речи. Причем фонология неизбежно имеет дело с языковой функцией звуков, фонетика же — с феноменологической стороной звуков безотносительно к их функции. Это различие основывается на том, что язык как социальное установление принадлежит к сфере отношений, функций, ценностей, тогда как речь принадлежит к сфере эмпирических явлений. В таких естественных науках, как ботаника или зоология, нет ничего подобного; поэтому-то они и не могут привлекаться для аналогии с языком — речью. Зато в социальных науках, поскольку они имеют дело с общественным использованием материальных вещей, мы можем обнаружить те же отношения. Во всех случаях такого рода необходимо строго отделять социальное установление как таковое от конкретных актов, в которых оно, так сказать, реализуется и которые без него не были бы возможны. При этом социальное установление нужно исследовать в плане отношений и функций, а соотнесенные с ним конкретные акты — в плане феноменологическом.

Как совершенно неудачную следует расценивать попытку Э. Отто определить фонологию как учение о звуках, основывающееся на акустике, а фонетику как учение о звуках, основывающееся на органогенетике¹. Примечательно, что Э. Отто соединяет свою концепцию с совершенно правильным взглядом на фонологию как на учение о звуках языка и на фонетику как на учение о звуках речи. Э. Отто полагает, однако, что самой существенной для языка является акустическая сторона, а для речи — артикуляторная; и здесь он решительно не прав. Арво Сотавалта в своей (упомянутой выше) работе настолько хорошо очертил различные аспекты фонетики, что мы можем не вдаваться в подробности. Позволим себе только заметить, что как артикуляторный, так и акустический аспекты звука суть явления природы и как таковые они могут исследоваться только с помощью естественнонаучных методов; благодаря этому оба аспекта и оказываются в сфере фонетики, причем материал для исследования как акустического, так и артикуляторного аспектов звука может черпаться лишь из конкретных актов речи. Наоборот, звуковые ценности, которые подлежат исследованию в фонологии, являются абстрактны-

¹ E. Otto, Grundfragen der Linguistik, «Indogermanische Forschungen», LII, стр. 177 и сл.

ми. Такими ценностями оказываются прежде всего отношения, оппозиции и т.д. — совершенно нематериальные вещи, которые не могут восприниматься и исследоваться ни с помощью слуха, ни с помощью осязания.

Строгое разграничение фонетики и фонологии необходимо по существу и осуществимо практически. Такое разграничение — в интересах обеих наук. Оно, разумеется, не препятствует тому, чтобы каждая из указанных наук пользовалась результатами другой. Надо только соблюдать при этом надлежащую меру, что, к сожалению, бывает не всегда.

Звуковой поток, изучаемый фонетистом, является континуумом, который может быть расчленен на любое число частей. Стремление некоторых ученых вычленить в континууме «звуки» основано на фонологических представлениях (опосредованных письменными образами). Так как вычленение «звуков» в действительности является весьма нелегкой задачей, некоторые фонетисты предложили различать «опорные звуки» (*Stellungslauten*) и лежащие между ними «переходные звуки» (*Gleitlauten*). «Опорные звуки», соответствующие фонологическим элементам, описываются, как правило, подробно, тогда как «переходные звуки» обычно не описываются, поскольку они, очевидно, рассматриваются как малосущественные или даже как совсем несущественные. Подобного рода подразделение элементов звукового потока не может быть оправдано с чисто фонетической точки зрения; оно покоится на ошибочном перенесении фонологических понятий в область фонетики. Для фонолога известные элементы звукового потока действительно несущественны. Однако таковыми оказываются не только «переходные звуки», но и отдельные качества и признаки «опорных звуков». Разумеется, фонетист не может принять эту точку зрения. Несущественным для него может быть, скорее, лишь значение, смысл речевого акта, тогда как все элементы или части речевого потока для него равно существенны и важны. Конечно, фонетист всегда будет рассматривать известные типические положения органов речи и соответствующие им акустические явления как основные элементы фонации и таким образом сохранять основной принцип описания типичных артикуляционных и звуковых образований, извлекаемых из звукового и артикуляторного континуума. Однако такой подход допустим лишь в элементарной фонетике, к которой должна присоединяться другая часть, где исследуется структура фонетических целостностей высшего порядка. И совершенно естественно, что при описании фонетического строя языка учение о фонетических элементах в известной мере учитывает фонологическую систему данного языка, а фонологически существенные противоположения рассматриваются в нем более тщательно, нежели совершенно несущественные.

Что касается фонологии, то она, само собой разумеется, должна использовать известные фонетические понятия. Утверждение о противоположности между глухими и звонкими шумными в русском языке, служащей для различения слов, принадлежит сфере фонологии. Однако сами понятия «звонкий», «глухой», «шумный» являются фонетическими. Начало любого фонологического описания состоит в выявлении смысловоразличительных звуковых противопоставлений, которые имеют место в данном языке. Фонетическое описание данного языка должно быть принято в качестве исходного пункта и материальной базы. Что же касается следующих, более высоких, ступеней фонологического описания — систематики и комбинаторики, — то они уже совершенно не зависят от фонетики.

Таким образом, известный контакт между фонологией и фонетикой, несмотря на их принципиальную независимость, неизбежен и безусловно необходим. Однако это взаимодействие должно касаться лишь начальных этапов фонологического и фонетического описания (элементарной фонетики и фонологии); но и в этих пределах не следует переходить границ безусловно необходимого¹.

2. Фонология и звуковая стилистика

Так как человеческая речь предполагает наличие говорящего, слушателя (или слушателей) и определенного предмета речи, о котором говорят, то каждое языковое выражение имеет три аспекта; оно является одновременно выражением (экспрессией), или характеристикой, говорящего, обращением (или апелляцией) к слушателю (или слушателям) и сообщением (или экспликацией) о предмете речи. Большая заслуга Карла Бюлера состоит в том, что он в правильном свете представил этот, очевидно, простой и тем не менее столь долго остававшийся незамеченным факт².

Схема К. Бюлера сохраняет свое значение и для звуковой стороны языка. Слушая, как кто-нибудь говорит, мы слышим, к т о

---

¹ Об отношении между фонетикой и фонологией см. Karl B u h l e r, *Phonetik und Phonologie*, TCLP, IV, стр. 22 и сл.; Viggo B r ø n d a l, *Sound and phoneme* (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, стр. 40 и сл.); J V a c h e k, *Several thoughts on several statements of the phoneme theory*, «American speech», X, 1935, Arvo S o t a v a l t a, *Die Phonetik und ihre Beziehungen zu den Grenzwissenschaften*, «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», XXXI, 3, Helsinki, 1936.

² Karl B u h l e r, *Axiomatik der Sprachwissenschaft*, «Kant-Studien», XXXVIII; ero же, *Sprachtheorie*, Jena, 1934.

говорит, каким тоном он говорит и что он говорит. Собственно говоря, в наличии имеется только одно акустическое впечатление. Но мы разлагаем его на составные части, причем всегда с точки зрения трех установленных Бюлером функций: одни качества воспринимаемого звука мы осознаем как выражение, как знак, свидетельствующий о говорящем (например, тон голоса), другие — как средство вызвать те или иные чувства у слушателя, и наконец, третьи — как признаки, по которым опознаются слова с определенным значением и состоящие из этих слов предложения. Мы как бы проецируем различные качества воспринимаемого звука на три разные плоскости: плоскость выражения, плоскость обращения и плоскость сообщения.

Спрашивается, должна ли фонология исследовать все три плана? Что план сообщения принадлежит фонологии, представляется непосредственно очевидным. Содержание воспринимаемого предложения может быть понято лишь при том условии, если слова, из которых оно состоит, относятся к лексическим или грамматическим элементам языка (*langue*), а обозначаемое этих элементов необходимым образом состоит из фонологических единиц. Менее очевидно отношение к фонологии плана выражения и плана обращения. На первый взгляд оба эти плана находятся как будто в сфере речи (*parole*) и, стало быть, подлежат не фонологическому, а фонетическому исследованию. Но при ближайшем рассмотрении это воззрение оказывается ошибочным. Среди звуковых впечатлений, благодаря которым мы опознаем личность говорящего и его намерение воздействовать на чувства слушателя, есть такие, которые для их правильного восприятия должны быть соотнесены с определенными, установленными в данном языке нормами. Такие нормы следует трактовать как языковые ценности, они принадлежат языку (*langue*) и должны, таким образом, рассматриваться в фонологии.

В первых работах по фонологии экспрессивная и апеллятивная функции едва принимались во внимание. Фонологи чаще всего были склонны переоценивать роль фонетического фактора в данных областях¹. Юлиус фон Лазициуш, пожалуй, был первым, кто недвусмысленно указал на неоправданность такого взгляда. Поскольку фонология в противоположность фонетике должна исследовать функции звуков человеческой речи, она не может ограничивать

---

¹ Еще в работе де Гроота «Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften» (TCLP, IV, стр. 116 и сл., особенно 124 и сл.) отношение фонологии и фонетики к различным аспектам звука трактуется только в таком смысле. Впрочем, уже сама постановка вопроса была большой заслугой де Гроота

себя одной экспликативной функцией. Наоборот, согласно Лазициушу, фонология обязана принимать во внимание как экспрессивную, так и апеллятивную функции звуков. Венгерский фонолог также показал, что употребление отдельных звучаний в экспрессивной и апеллятивной функциях столь же условно, как их употребление в целях смысловоразличения: экспрессивные и апеллятивные средства, выполняющие в каком-либо языке указанные функции, не могут быть безоговорочно перенесены в другой язык¹.

Из высказываний Лазициуша с очевидностью вытекает необходимость в двух новых разделах фонологии: экспрессивной и апеллятивной. Создание этих разделов сопряжено, конечно, с большими трудностями, прежде всего — с недостатком надежных материалов. Ведь в обстоятельных описаниях звуковых систем того или иного языка крайне редко можно найти указания на экспрессивные и апеллятивные средства. Правда, кое-что можно собрать в работах по диалектам, однако подобного рода работы, как правило, имеют практическую установку и, естественно, не проводят никакого различия между языком и речью; поэтому ими нельзя пользоваться без должного критического подхода. При ближайшем же критическом рассмотрении всегда оказывается, что собранный в них материал имеет незначительную ценность. Таким образом, при нынешнем состоянии исследований не представляется возможным сказать что-либо определенное об экспрессивной и апеллятивной фонологии; на этот счет могут быть высказаны лишь самые общие соображения.

Экспрессивная функция речи состоит в характеристике говорящего. Все, что служит в речи для характеристики говорящего, выполняет экспрессивную функцию. Элементы, выполняющие эту функцию, могут быть весьма многообразными: принадлежность говорящего к определенному человеческому типу, его физические и духовные особенности и т.д. — обо всем этом можно судить по его голосу, по его произношению, по общему стилю его речи, включая сюда выбор слов и построение предложения. Нас интересуют, однако, только фонологически экспрессивные средства, то есть такие экспрессивные средства, которые содержатся в звуковой стороне языка как условной системе знаков.

Тем самым тотчас же из поля нашего зрения выпадает большая часть характерных элементов человеческой речи. Прежде всего

---

¹ J. v. Lazicius, Probleme der Phonologie, «Ungarische Jahrbücher», XV, 1935 и «Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences», London, 1935, 57. Ср., впрочем, Л. Щербач, О разных стилях произношения, «Записки Неофилологического общества при СПбУ», VIII, 1915, а также Р. Якобсон, О чешском стихе..., Берлин, 1923, стр. 40 и сл.

должно быть исключено все данное от природы, все обусловленное чисто психологическими факторами. Ведь по голосу можно узнать не только пол и возраст говорящего, но иной раз и его самочувствие; даже не видя говорящего, можно по одному только его голосу определить, толстый он или худой. Все это, однако, не имеет никакого отношения к фонологии. Хотя мы и упоминаем здесь об акустически воспринимаемых симптомах, но эти симптомы не принадлежат к условно установленной системе знаков данного языка; они сохраняют свой симптоматический характер даже при неязыковом функционировании речевого аппарата. То же можно сказать и о многих признаках речи, на основании которых можно сделать заключения характерологического свойства. К экспрессивной фонологии принадлежат лишь условно установленные средства звуковой характеристики говорящего. А так как язык является прежде всего общественным установлением, то условными в нем являются только средства, характеризующие принадлежность говорящего к определенному, существенному для данной языковой общности, человеческому типу или группе. С помощью этих средств можно выразить, например, принадлежность к определенной возрастной группе, к тому или иному общественному классу, далее пол, степень образования, наконец, происхождение говорящего — и это именно потому, что все перечисленные признаки существенны для внутреннего членения языковой общности, для содержания и формы речи. Напротив, деление людей на толстых и тонких, простуженных и здоровых, флегматиков и сангвиников и т.д. было бы несущественным для жизни языковой общности, находящей свое выражение в различных типах речи; поэтому такое деление не нуждается ни в каком условном **я з ы к о в о м** («глоттическом», по выражению Есперсена) обозначении; если подобного рода свойства говорящего и можно угадать по звуковой стороне его речи, то такая догадка является внеязыковым психологическим процессом.

Экспрессивную фонологию можно сравнить с изучением одежды в этнографии: различие между толстыми и тонкими, высокими и маленькими людьми весьма существенно для портного, который шьет одежду, но с этнографической точки зрения эти различия абсолютно не важны. Для нее важна только условно установленная форма одежды. Платье неряшливого человека может быть грязным и помятым, у рассеянного человека оно не всегда застегнуто на все пуговицы, однако и эти признаки не имеют никакого значения для этнографического изучения одежды. Зато этнографию интересует любая самая незначительная деталь, которая по существующему обычаю отличает одежду замужней женщины от одежды незамужней и т.д. Очень часто человеческие группы, выделяемые по существенным с этнографической точки зрения различиям в их одежде, оказываются, совпадают с теми же самыми группами, которые выделяются по языковым и особенно по

«экспрессивно-фонологическим» особенностям: половые и возрастные группы, общественные классы и соответственно сословия, группы людей по образованию, горожане и крестьяне и т.д.¹

Само собой разумеется, что частности зависят от общественной структуры данного народа и соответственно — данной языковой общности. В языковых общностях, слабо или вовсе не дифференцированных в социальном отношении, исключительное значение приобретают различия по полу и возрасту. В дархатском говоре монгольского языка все гласные среднего и заднего рядов в произношении женщин слегка продвинуты вперед, так что мужскому *u*, *o*, *a* соответствует женское *ü*, *ö*, *ä*, а мужскому *ü*, *ö*, *ä* — женское *iu*, *io*, *ia*; помимо того, фрикативному *x* в мужском произношении соответствует взрывной *k* в женском произношении².

Богораз сообщает, что один из звуков языка чукчей (дуораветланов) на Камчатке произносится мужчинами как *č'* (палатализованное *č*), а женщинами и детьми как *c* (= *ts*)³. По свидетельству В. Иохельсона, в языке юкагиров (огулов) на северо-востоке Сибири есть звуки, которые произносятся мужчинами как палатальные взрывные *t*, *d*, детьми и женщинами как аффрикаты *c*, *z*, а стариками как палатализованные *č'*, *ž'*⁴. Во всех этих случаях мы имеем дело с кочевниками, кочующими охотниками (или рыбаками), у которых каждый пол (или половозрастной класс) образует замкнутую в себе общность, а какое-либо другое членение общества едва ли существует. Однако различия в произношении половозрастных групп обнаруживаются также и у народов с развитой общественной дифференциацией. Конечно, у таких народов они, как правило, менее заметны. Так, например, в русском языке имеется общая тенденция усиливать лабиализацию ударного *o* в его начальной части и ослаблять ее к концу артикуляции; гласный *o*, таким образом, всегда звучит как своего рода дифтонг с убывающей лабиализацией. Но тогда как различие между началом и концом артикуляции *o* в нормальном мужском произношении весьма ничтожно и даже едва заметно, в произношении женщин оно более значительно; некоторые женщины вместо *o* произносят даже дифтонг *iu* (что, конечно, расценивается уже как нечто вульгар-

¹ О функции одежды см. превосходную работу П. Богатырева «Funkcie kroja na Moravském Slovensku», «Spisy národopisného odboru matice Slovenskej», I, 1937.

² Г.Д. С а н ж е в, Дархатский говор и фольклор, Л., изд. АН СССР, 1931, стр. 17.

³ Сборник «Языки и письменность народов Севера», III, Л., 1934, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 158.

ное). Различие между мужским и женским произношением заключается здесь лишь в степени дифтонгизации; однако если мужчина произнесет *о* с лабиализацией, характерной для нормально-го женского произношения, такое произношение сразу бросается в глаза как женственное и аффектированное¹. При внимательном наблюдении подобного рода тонкие условные различия между мужским и женским произношением можно, пожалуй, обнаружить в любом языке; обстоятельное описание фонологической системы какого-либо языка должно постоянно с этим считаться. Что же касается условных различий в произношении разных возрастных групп, то они также наблюдаются во многих языках, их определенно отмечают многие исследователи. Нужно только быть осторожным и не смешивать условные различия с различиями, данными от природы. Когда дети заменяют тот или иной звук другим, поскольку правильное произношение его усваивается лишь со временем, в этом нет еще ничего экспрессивно-фонологического (как и во всех случаях патологических ошибок речи). Но экспрессивно-фонологический факт налицо, когда ребенок, будучи в состоянии вполне точно воспроизвести произношение взрослых, намеренно не делает этого или когда молодой человек преднамеренно остерегается воспроизводить произношение пожилых людей (что, впрочем, не составило бы для него никакого труда), с тем чтобы только не показаться старомодным или смешным. Иной раз речь идет об исключительно тонких оттенках, таких, например, как нюансы интонации и т.п.

В социально дифференцированных обществах особенно заметны различия в произношении, основывающиеся на сословном, профессиональном или культурном членении общества. Такие различия наблюдаются не только в языках Индии, где они закреплены кастовым делением (в тамильском, например, один и тот же звук в зависимости от кастовой принадлежности говорящего произносится то как *ṣ*, то как *s*), но и в других частях света. Венский разговорный язык в устах министерского чиновника звучит иначе, чем в устах какого-нибудь продавца. В дореволюционной России представители духовенства, например, отличались спيرانтным произношением *g* (как *γ*), хотя все остальные звуки они произносили согласно правилам литературного языка; в литературном рус-

---

¹ Эта особенность не обусловлена какими-либо физиологическими причинами; она является чисто условной; это видно, между прочим, из того, что у некоторых женщин она проявляется лишь в подчеркнуто кокетливой речи, то есть тогда, когда возникает необходимость специально оттенить свою женственность.

ском языке существовало особое «дворянское» и «купеческое» произношение. Расхождения в произношении горожан и крестьян, образованных и необразованных встречаются, пожалуй, в любом языке. Часто встречается особое «светское» произношение: характеризуясь небрежной артикуляцией, оно свойственно всякого рода щеголям и пшютам.

В любом языке можно обнаружить также л о к а л ь н ы е различия в произношении. Иной раз по этим различиям люди на сельском рынке узнают, из какой деревни их собеседник. Что касается образованных людей, говорящих на нормализованном литературном языке, то столь точные сведения о месте их происхождения на основе одного их произношения вряд ли возможны; однако и тут в основном можно догадаться, из какой языковой области такой человек происходит.

Условные звуковые экспрессивные средства часто свидетельствуют не о том, кем является на самом деле говорящий, а только о том, кем он хочет казаться в данный момент. У многих народов произношение, которое они употребляют в публичных выступлениях, отличается от произношения, которое имеет место в их обычном разговоре. Существуют особые признаки, отличающие слащаво-ханжеское и заискивающее произношение. Точно так же рядом звуковых условностей характеризуется и аффективно-наивный щебет известного рода дам и т.п. Все фонологически-экспрессивные средства, которые служат для характеристики определенной языковой группы внутри какой-либо языковой общности, образуют систему; совокупность этих средств может быть определена как экспрессивный стиль данной языковой группы. Говорящий не обязан употреблять всегда один и тот же экспрессивный стиль; он может пользоваться то одним, то другим стилем в зависимости от содержания беседы или характера собеседника; короче говоря, он сообразуется с обычаями, господствующими в той языковой общности, к которой он принадлежит.

Особым видом фонологических экспрессивных средств являются «допускаемые звуковые суррогаты». В любом языке наряду с обычными звуками, употребляемыми всеми, то есть «средними говорящими», имеются единичные звуки, употребляемые лишь небольшим числом говорящих в качестве заменителей тех нормальных звуков, к которым они не чувствуют расположения. «Нерасположение» это основано либо на весьма распространенных ошибках произношения, либо на своего рода моде и т.п. «Звук-суррогат» может отличаться от «нормального звука» в разной степени: иногда (например, в случае употребления различных суррогатов звука *г* во многих европейских языках) он сразу улавливает-

ся любым наблюдателем, иной раз, однако, для восприятия этого различия нужно иметь хорошо натренированное ухо. Существенно, что суррогаты до п у с к а ю т с я языковой общностью и не подвергаются вытеснению, продолжая существовать наряду с нормальными звуками. Поскольку отдельные лица усваивают такие суррогаты и употребляют их постоянно или почти постоянно в своем разговоре, суррогаты становятся средствами экспрессивной характеристики этих лиц.

Помимо чисто экспрессивных средств, есть еще и такие, которые выполняют одновременно и специальную экспликативную функцию. Довольно часто произношение какой-либо группы говорящих отличается от обычного либо тем, что пренебрегает смысловоразличительными (а стало быть, существенными в экспликативном плане) противоположениями звуков, либо тем, что обнаруживает эти противоположения там, где они не известны произношению других групп. Вспомним, например, неразличение глухих и звонких, характерное для некоторых частей немецкой языковой области и проникающее даже в литературный язык; вспомним также столь типичное для марсельского произношения совпадение *š* и *s*, *ž* и *z* или различение безударных *a* и *o*, столь характерное для старшего поколения духовенства в дореволюционной России (такое произношение особенно резало ухо в центральных и южных областях Великороссии, где безударные *a* и *o* уже не различались у представителей других слоев населения) и т.д. С точки зрения экспликативной функции мы имеем тут различные диалектные фонологические (или фонетические) системы, а с точки зрения экспрессивной функции — различные экспрессивные формы одной и той же системы. Случаи этого рода необходимо строго отличать от других, где характеристика отдельных социальных или локальных групп проявляется в произношении одной и той же фонемы, а не в числе различаемых фонем.

От фонологически-экспрессивных средств необходимо отличать фонологически-а п е л л я т и в н ы е, или в о з д е й с т в у ю щ и е, с р е д с т в а. Апеллятивные средства служат для того, чтобы вызвать, «возбудить» в собеседнике известные чувства. Часто, однако, самим говорящим эти чувства по-настоящему не переживаются, он стремится лишь к тому, чтобы ими был заражен собеседник. Переживает ли сам говорящий эти чувства или только симулирует переживание, не имеет в данном случае никакого значения. Намерение говорящего состоит не в том, чтобы выразить свои собственные чувства, а в том, чтобы возбудить какие-то чувства у собеседника.

Фонологически-апеллятивные средства в свою очередь необ-

ходимо строго отличать от естественных выражений чувства, даже если эти последние воспроизводятся искусственно. Если говорящий заикается от (мнимого или действительного) страха или волнения или если его речь прерывается рыданиями, то это не имеет никакого отношения к фонологии, ибо речь здесь идет о симптомах, которые обнаруживаются даже при внеязыковом выражении. Наоборот, такие явления, как сверхдолготы согласного и гласного в восторженно произносимом немецком *s c h s c h ö ö n!*, представляют собой факт языка: во-первых, они обнаруживаются только в языке, не имея внеязыкового выражения, во-вторых, они наделены определенной функцией, в-третьих, они условны, как и все прочие наделенные функцией языковые средства. Следовательно, они принадлежат аппеллятивной фонологии (поскольку дело в этом случае заключается в том, чтобы вызвать определенные чувства у слушателя).

При современном состоянии знаний трудно сказать, какими методами должна руководствоваться «аппеллятивная фонология». Теоретически для каждого языка следовало бы установить полный перечень всех фонологически аппеллятивных средств, иными словами, всех условных средств, с помощью которых возбуждаются известные чувства и эмоции. Однако не всегда ясно, что следует рассматривать в качестве отдельного аппеллятивного средства и как эти аппеллятивные средства должны быть отграничены друг от друга. Особенно трудным и тонким оказывается в этом случае разграничение языка и речи. Выше мы упомянули о сверхдолготе ударного гласного и непосредственно предшествующего ему согласного в немецком языке. Как пример было приведено нем. *schschöö!* в восторженном произношении. Однако то же самое средство может быть с успехом использовано и для выражения других эмоций: *s c h s c h ö ö n!* можно произнести не только в восторженном состоянии, но и иронически; *s c h s c h a a m l o s!* можно произнести негодуя, *l i i e b e r F r e u n d!* — восторженно, иронически, с возмущением, убежденно, с грустью, с сожалением и т.д. — каждый раз с иной интонацией. Спрашивается, как же следует понимать эти различные оттенки интонации? Относятся ли все они к аппеллятивной фонологии и вообще к языку? Или же они принадлежат только речи? Действительно ли они условны? Эмоционально окрашенные интонации встречаются довольно часто и во внеязыковых выражениях (при неопределенных, неартикулируемых восклицаниях), причем конкретные эмоции, которые они должны вызывать, можно опознать с достаточной точностью. Очевидно, внеязыковые интонации, вызывающие эмоции, имеют ту же структуру тона и интенсивности, что и сло-

ва, окрашенные теми же эмоциями (впрочем, все это еще ни разу не подвергалось обстоятельному исследованию). Можно также твердо установить, что многие из интонаций, вызывающих эмоции, имеют одно и то же значение в самых разных и притом далеко отстоящих друг от друга языках мира¹. Напротив, сверхдолгота ударного гласного и предшествующего согласного предполагает наличие гласных и согласных, а также ударных и неударных слогов; следовательно, по самому своему существу она связана исключительно с языковыми выражениями и действительна лишь для определенных языков.

Вероятно, так обстоит дело с большинством фонологических апеллятивных средств: сами по себе эти средства не имеют прямого отношения к возбуждению какой-то определенной эмоции; они содействуют появлению множества самых различных эмоций; выбор же эмоций зависит от ситуации, в которой разворачивается речь, а само возбуждение эмоций достигается необозримым многообразием звуковых жестов, лишенных условного характера. Задача апеллятивной фонологии состоит не в собирании, описании и систематизации этих эмоциональных звуковых жестов и не в приурочении их к определенным конкретным эмоциям, а в определении тех условных признаков, которые, за вычетом названных выше звуковых жестов, способствуют различению эмоционально окрашенной речи от эмоционально нейтральной, спокойной речи. Так, например, можно сказать, что сверхдолгота ударного долгого гласного и предударного согласного в немецком, удлинение согласных в начале слова и гласных в конце предложения в чешском, удлинение краткого гласного (при сохранении специфического *открытого, ненапряженного качества этого гласного*) в венгерском, удлинение первых согласных слова (*accent d'insistance*) во французском и т.д. являются знаками эмоциональной речи, то есть фонологическими апеллятивными средствами. И действительно, все названные особенности появляются в указанных языках лишь в случае необходимости вызвать какую-либо эмоцию и недопустимы в спокойной, эмоционально нейтральной речи. Кроме того, они явно условны в противоположность, например, интонации ужаса, которая является, если можно так выразиться, целиком интернациональной, хотя в каждом отдельном языке она может употребляться лишь в таких словах, которые уже наделены

---

¹ Европейцы, например, понимают эмоции, которые хочет выразить хороший японский актер, даже тогда, когда они не понимают ни слова из того, что он говорит; и это не только благодаря мимике, но отчасти также и благодаря интонации

условными апеллятивными средствами (например, удлинение предупредного согласного в немецком языке)¹.

Отличить апеллятивные средства от экспрессивных не всегда легко. Иной раз экспрессивные стили отличаются усилением апеллятивной функции; иногда они отличаются ослаблением ее: степень апеллятивности сама становится, таким образом, своего рода экспрессивным средством. Сравните, например, преувеличенно эмоционально окрашенную речь жеманницы и торжественно апатичную речь пожилого вельможи. Конечно, эти два экспрессивных стиля имеют свои специфические приметы, лежащие целиком в сфере экспрессивной фонологии. К этим приметам присоединяется, однако, и способ использования апеллятивных средств. Задача исследователя в дальнейшем будет состоять, очевидно, в тщательном разграничении экспрессивной и апеллятивной функций в различных речевых стилях. В настоящее время это еще невозможно. Пока что следует собирать материал по возможности из самых различных языков.

Таким образом, мы настаиваем на строгом разграничении экспрессивных и апеллятивных средств.

Во всяком случае недопустимо отказываться от возможности разграничения экспрессивных и апеллятивных средств, как это делает Ю. фон Лазициуш в цитированной выше работе. Он пытается выделить в звуковой стороне языка элементы троякого рода: фонемы, которым присущи все три функции (экспрессивная, апеллятивная и экспликативная), эмфатики, лишенные экспликативной функции и наделенные, очевидно, лишь экспрессивной и апеллятивной функциями, и варианты, которые будто бы несут лишь экспрессивную функцию. Под эмфатиками Лазициуш понимает все то, что у нас названо экспрессивными и апеллятивными средствами. Как ни велика заслуга Лазициуша, указавшего на необходимость фонологического исследования трех бюлеровских функций, все же мы не можем присоединиться к его идее о троякого рода элементах: фонемах, «эмфатиках» и «вариантах». В конкретном речевом акте все три функции связаны и переплетены между собой. Но слушающий разлагает этот комплекс на составные части, каждая из которых имеет одну-единственную функцию, и соотносит каждый из этих функциональных элементов с соответствующим элементом языка, идентифицирует с ним. В качестве примера Лазициуш приводит венгерское слово *ember* «человек». Представим себе, однако, что это слово произносится светским хлыщом с интонацией упрека: пять фонем (e, m, b, e, r) служат здесь исключительно для словоразличения, ни одна из них не может быть заменена другой, не искажая слова или не меняя его значения. Эмфатическое удлинение начального e является апеллятивным средством, связанным с «интонацией упрека», отсутствие которого изменило бы эмоциональное содержание (т. е. «апеллятивное содержание») высказывания, поскольку высказывание в этом случае протекало бы в нейтральном тоне. Наконец,

¹ Нужно, таким образом, в любом языке различать условные апеллятивные и спонтанные средства выражения аффекта. К сожалению, эти понятия не разграничиваются в появившейся недавно богатой материалами работе Элизы Рихтер «Das psychische Geschehen und die Artikulation», «Archives Néerlandaises de phonétique expérimentale», XIII, 1937.

характерная неопределенность в степени раствора при гласных, общая небрежность артикуляции согласных и увулярное «язычковое» -г — все это экспрессивные средства, по которым мы опознаем светского хлыща. Подобным образом может быть разложено в функциональном отношении любое высказывание. Если порой в фонеме гораздо легче выделить звуковые признаки с экспрессивной и апеллятивной функцией, нежели обнаружить различие экспрессивных и апеллятивных средств, то это еще не даст оснований для полного отказа от самого разграничения¹.

Соответственно этому, как уже сказано, следовало бы выделить две особые отрасли фонологии, одна из которых имела бы своим предметом экспрессивные, а другая — апеллятивные средства; в качестве третьей сюда присоединилась бы та часть фонологии, которая имеет дело с экспликативными средствами языка и которая только одна и принималась во внимание в работах фонологической школы до упомянутой выше работы Лазичиуша. Однако если мы сравним между собою эти три части, то нас прежде всего поразит их несоразмерность. «Экспликативная фонология», очевидно, охватила бы огромную область, тогда как на долю двух других отраслей фонологии достались бы небольшие группы фактов. Кроме того, экспрессивная и апеллятивная фонологии должны были бы обладать некоторыми общими чертами, отличающими эти области от «экспликативной фонологии». Проблема разграничения условного и данного от природы возникает, собственно говоря, лишь в отношении экспрессивной и апеллятивной фонологий и не имеет никакого значения для экспликативной фонологии. В качестве экспликативных средств, лишенных условного характера, можно было бы рассматривать разве только прямые звукоподражания (ведь они не состоят из нормальных звуков). Однако такие звукоподражания (поскольку они действительно даны от природы и лишены условного характера) вообще выходят за рамки языка. Когда кто-либо, рассказывая о том, что с ним произошло на охоте, чтобы оживить свой рассказ, подражает крику зверя или иным естественным шумам, то в этом месте он должен *п р е р в а т ь* свою речь: и это потому, что звук, служащий предметом подражания, как раз и является инородным телом, лежащим вне пределов нормальной экспликативной человеческой речи². Совер-

¹ Об особой звуковой структуре таких слов, которые, выполняя экспрессивную и апеллятивную функции, лишены вместе с тем экспликативной функции (междометие, приказание, отдаваемые животным, и т.д.), см. ниже, стр. 243 и далее, стр. 271.

² Это, естественно, не относится к условным звукоподражаниям, имеющим, как правило, мало сходства с теми шумами, которым они подражают (например, *бац, кукареку*), и часто включенным в грамматическую систему таким образом, что они могут употребляться без перерывов в речи. Ср. J. M. K o f í n e k, *Studie z oblasti onomatopoeje*, «Práce z vědeckých ústavů», XXXVI, Praha, 1934.

шенно иначе обстоит дело в сфере экспрессивного и апеллятивного. Условное и данное от природы переплетены здесь между собой: существенное для апеллятивной функции условное удлинение согласных или гласных выступает только в связи с определенной эмоциональной интонацией, которая вполне естественна, а не условна; особое произношение известных звуков, в отдельных языках условно предписываемое женщинам, выступает, как правило, в связи с женским голосом, который физиологически обусловлен. Можно, пожалуй, сказать, что число условных экспрессивных и апеллятивных средств всегда меньше числа этих же средств, лишенных условного характера. Если, таким образом, на долю «экспликативной фонологии» приходится вся совокупность звуковых средств языка, существенных в плане экспликативной функции, то двум другим отраслям фонологии, очевидно, придется иметь дело лишь с немногочисленными экспрессивными и апеллятивными средствами. В таком случае можно спросить: стоит ли в самом деле рассматривать три вышеупомянутые отрасли фонологии как равноправные и равноценные и целесообразно ли отрывать условные экспрессивные и апеллятивные средства от тех же средств, имеющих естественный характер, и включать их в сферу фонологии?

Все трудности, видимо, проще всего устранить, предоставив исследование экспрессивных и апеллятивных средств звука особой науке — **з в у к о в о й с т и л и с т и к е**; эту науку можно было бы разделить, с одной стороны, на экспрессивную и апеллятивную и, с другой стороны, на фонетическую и фонологическую. При фонологическом описании любого языка следует привлекать и фонологическую стилистику (в двух ее аспектах — экспрессивном и апеллятивном); однако подлинной целью такого описания все же должно быть фонологическое исследование «экспликативного плана» языка. Отсюда вытекает, что фонологию не следует делить на экспрессивную, апеллятивную и экспликативную. Термин «фонология» надо сохранять в ограниченном употреблении, применяя его к исследованиям звуковой стороны языка, существенной в плане экспликативном. Что же касается исследования сторон звука, существенных в плане экспрессивном и апеллятивном, то оно остается за «фонологической стилистикой», которая является в свою очередь лишь частью «звуковой стилистики».